ВЗЛЕТЫ

№ 13.

Digitized by the Internet Archive
in 2012 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://archive.org/details/vzletyserial13belf

Бельфорскій рукописный журналъ
Взлеты № 13.

Галлиполи.

15 Ноября день основанія Добровольческой Арміи и начало борьбы съ большевиками. 22 Ноября день высадки 1-го Армейскаго Корпуса въ Галлиполи. По существу обѣ эти даты могутъ и должны быть совмѣщены т. к. каждая изъ нихъ отмѣчая хронологически опредѣленныя событія въ общей концепціи являются началомъ разныхъ по времени, но одинаковыхъ по духу явленій, безпримѣрныхъ по по героичности и жертвенности, давшихъ въ своихъ истокахъ борьбу за освобожденіе Россіи.

Годъ прожитый въ тѣсномъ единеніи далъ силы разнести по міру память о Галлиполи, какъ о мѣстѣ, гдѣ русское воинство, лишившись Родины, осталось на стражѣ высокихъ традицій Арміи. И понынѣ, несмотря на тяжкія испытанія, Галлиполійцы сохраняютъ свѣтлый и бодрый духъ, готовые исполнить свой долгъ передъ Родиной по зову своихъ вождей.

Во всякой воинской организаціи личность вождя имѣетъ первенствующее значеніе; такой личностью въ Галлиполи являлся Генералъ Кутеповъ. Великій русскій патріотъ, отлично знающій психологію солдата и офицера онъ достигъ того, что части корпуса перестали быть разрозненными эмигрантами и представляли духовное цѣлое.

Вотъ почему можно утверждать, что въ день Галлиполійской годовщины, во всѣхъ мѣстахъ пребыванія Галлиполійцевъ, вспомнится эта дата и также тотъ, кто былъ душой и создателемъ Галлиполи.

Генерала Кутепова отъ насъ физически оторвали, но не убить духа непримиримости и твердости въ борьбѣ съ насильниками Родины, какъ не убить память о прекрасномъ и великомъ прошломъ измученной Россіи.

Галлиполи умозрительно должно восприниматься, какъ символъ въ прошломъ дня грядущаго чуднаго будущаго.

Три рѣчи, произнесенныя протоіереемъ Ѳ. Маляновскимъ при освященіи памятника въ Галлиполи, 16 Іюля 1921 года.

Передъ освященіемъ.

Желаніе сердца нашего исполнилось. Снесенные на это братское Русское военное кладбище нашими руками отъ чистаго русскаго сердца камни превратились въ Крестъ-Памятникъ.

Крестъ-Памятникъ!-Какъ мало словъ, а горя, горя рѣченька...

Крестъ-Памятникъ!-Какое сочетаніе звуковъ величественныхъ, торжественныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ скорбныхъ, ноющихъ, за душу хватающихъ...

Крестъ-Памятникъ!-Какая широта и многогранность мыслей, чувствъ, настроеній, переживаній...

Но изъ всего этого разнообразія, какъ-то сами собой, точно родникъ изъ подъ земли, вырываются слова:

„Путникъ, кто бы ты ни былъ, свой или чужой, единовѣрецъ или иновѣрецъ, благоговѣйно остановись на этомъ мѣстѣ-оно свято: ибо здѣсь лежатъ Русскіе воины, любившіе Родину, до конца стоявшіе за честь Ея!"

Братья воины и весь народъ боголюбивый!

Станемъ же здѣсь добрѣ, станемъ со страхомъ и съ усердіемъ сотворимъ нашу молитву: Да призритъ Господь на созданіе наше и пошлетъ свою благодать на этотъ Крестъ-Памятникъ! Да стоитъ онъ вѣковѣчно, твердо и нерушимо, да славится передъ нимъ всегда пречестное и великолѣпное имя Божіе! Пусть никогда не зарастаетъ къ нему народная тропа и пусть не оскудѣваетъ здѣсь рука, творящая крестное знаменіе въ память умершихъ.

Господи, стань на мѣсто покоя Твоего!

И да будутъ очи Твои открыты день и ночь на мѣсто сіе! Благослови, Боже, всякаго, кто придетъ сюда ради молитвы или ради воздаянія чести нашимъ воинамъ подвижникамъ. Дай ему миръ и все, что потребно для него.

Передъ великой панихидой.

Мы освятили нашъ Крестъ-Памятникъ. Теперь онъ сталъ на-

щимъ родимымъ Русскимъ достояніемъ. Но тоска, Русская тоска...
И нѣтъ покоя отъ нея, нѣтъ слову съ нею. И болитъ, щемитъ, сжимается сердце.
Русское кладбище, Русскій памятникъ!
Но земля-то все-же не русская. Нашъ отечественный поэтъ трогательно выразилъ желаніе умершихъ:

... И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать...

Лежать ближе къ милому предѣлу - и то уже благо, а лежать здѣсь, далеко, на чужбинѣ...
И первое, что встаетъ при этихъ думахъ передо мной: это нашъ Севастополь. Вблизи него есть французское кладбище, надъ воротами котораго такая надпись: „Земля Французской Республики." И войдя за кладбищенскія ворота, вы, значитъ, вступаете на землю французскую. И тамъ, на этой французской землѣ, есть французскій долъ и рѣетъ французскій флагъ. Я не знаю, какъ французы устроили, чтобы получить въ собственность этотъ уголокъ земли. Но, какъ русскій пастырь, я, въ этотъ священный историческій моментъ, ставлю вамъ, мои соотечественники, задачей:
„Вы, крѣпкіе, вы, сильные, вы, мудрые!
Сдѣлайте такъ, чтобы и этотъ клочокъ земли сталъ Русскимъ, чтобы и здѣсь, со временемъ красовалась надпись: „Земля Государства Россійскаго".
Чтобы и здѣсь устроился Русскій долъ, чтобы и здѣсь рѣялъ всегда Русскій флагъ.
А мы, пастыри, мы сумѣемъ собрать отъ всѣхъ Русскихъ областей по горстокъ земли и мѣстной святыни иконки и насыпать здѣсь изъ этой Русской земли особый холмикъ и водрузить на немъ еще одинъ маленькій памятникъ: Русскій иконостасъ.
Общими усиліями мы превратимъ этотъ уголокъ въ Русскій удѣлъ и этимъ выполнимъ долгъ передъ почившими земляками и успокоимъ нашу встревоженную совѣсть.
А теперь приступимъ къ совершенію передъ этимъ Крестомъ-Памятникомъ нашей первой заупокойной молитвы. Первая молитва, а затѣмъ, быть можетъ и скорая разлука...
Боже! Какъ волнуется духъ! И сколько надо имѣть мужества чтобы и свои чувства собрать и другихъ настроить. Я слабъ. Я нуждаюсь-въ помощи. Я хочу позвать сюда тѣхъ, кто уже однимъ именемъ своимъ можетъ всѣхъ насъ воодушевить.
Вы, герои таврическіе, вы, рыцари задунайскіе, забалканскіе и шипкинскіе, вы, витязи сѣчи запорожской, вы, богатыри гсленскіе, вы, сподвижники Олега Вѣщаго,

никогда вѣнчавшаго щитъ на вратахъ Царьграда! – Вы слетите къ намъ, станьте подлѣ насъ и помогите намъ свершить достойную молитву по вашимъ достойнымъ потомкамъ. А вы, вы холмы погребальные, вы встрепенитесь, вы раскройте на миръ нѣдра свои и покажите намъ обитателей вашихъ. Пусть проснутся они, пусть взглянутъ на насъ, пришедшихъ къ нимъ съ молитвенными словомъ любви и привѣта, и, радостными вновь уснутъ вѣчнымъ своимъ сномъ.

Боже, благослови нашу молитву!...

По окончаніи панихиды.

Наша заупокойная молитва окончена. Остается заключительный моментъ ея – возглашеніе вѣчной памяти. Душа умилена. Душа взволнована. И изъ тайниковъ ея, какъ-то помимоволи рвется еще и такая мольба:

„Боже, въ руцѣ Твои мы предаемъ и этотъ нашъ Крестъ-Памятникъ и эти наши могилы. Посылай же, Боже, сюда ласковые лучи Твоего солнышка краснаго! Зажигай тутъ тихій сѣтъ Твоихъ звѣздочекъ ясныхъ! Пусть горятъ онѣ надъ міромъ, какъ лампадки неугасимыя! Приближай сюда тучки небесныя! Пусть онѣ освѣжаютъ ихъ своей влагой живительной! Повелѣвай вѣтру нѣжно колыхать растущія здѣсь цвѣты и деревья! Посылай сюда птичекъ пѣвчихъ! Пусть поютъ онѣ здѣсь свое: Аллилуйя.

Вы, воины христолюбцы, вы дайте братскій поцѣлуй умершимъ соратникамъ вашимъ! Вы, поэты, писатели, художники, баяны, гусляры – серебристые – вы запечатлѣйте въ вашихъ твореніяхъ образы почившихъ и повѣдайте міру о ихъ подвигахъ славныхъ! Вы, Русскія женщины, вы припадите къ могиламъ бойцовъ и орошите ихъ своей чистой слезой, слезой Русской женщины, Русской страдалицы матери! Вы, Русскія дѣти, вы помните, что здѣсь, въ этихъ могилахъ, заложены корни будущей молодой Россіи, вашей Россіи и никогда ихъ не забывайте!

Ты, древняя Византія, – наша духовная мать, ты будь матерью и этимъ Русскимъ дѣтямъ и оберегай ихъ покой: ибо это и твои дѣти.

Ты, отнынѣ незабвенный для насъ, градъ Галлиполи, ты именуемый лучшимъ городомъ, ты будь лучшимъ и къ тѣмъ, кого, какъ самыхъ лучшихъ мы оставляемъ тебѣ!

А вы, вы и старые и новые орлы боевые, вы мирно спите:

... Вы заслужили родные,
Славу и вѣчный покой...

Да будетъ же вамъ:

Миръ въ землѣ сырой,
Честь въ семьѣ родной
И слава Вамъ на Руси святой.

Примите, въ нашемъ лицѣ, земной поклонъ отъ родной кормилицы - земли свято - русской, отъ родного народа Русскаго, православнаго, отъ родимыхъ батюшки и матушки, братцевъ и сестрицъ, женъ и дѣтушекъ, сродниковъ и знакомыхъ...

Да будетъ вамъ добрый вѣчный покой и блаженная вѣчная память!...

Кудеяръ.

Разсказъ.

Въ своихъ эмигранскихъ скитаніяхъ, въ 1922 году, я попалъ въ древнюю столицу Македоніи - городъ Охридъ, затерявшійся въ горныхъ трущобахъ и прилепившійся на берегу Охридскаго озера. Пріѣхалъ утромъ. Съ дѣлами управился быстро и до слѣдующаго утра я былъ совершенно свободенъ, такъ какъ поѣздъ узкоколейки отходилъ только разъ въ сутки и притомъ ночью движенія не было. Стояла хорошая, какъ говорятъ, ядреная осень, но было холодновато и я зашелъ погрѣться въ одну, изъ безчисленнаго количества разбросанныхъ по городку, кофеенъ.

Кромѣ хозяина, полуграмотнаго македонца, въ кофейнѣ находился какой-то монахъ, видимо глубоко погруженный въ писаніе, такъ какъ на мое привѣтствіе не только не отвѣтилъ, но даже не перемѣнилъ позы, что не соотвѣтствовало мѣстнымъ нравамъ. Я расположился въ глубинѣ комнаты, напротивъ монаха и попросилъ кофе. Какъ то незамѣтно, я тоже ушелъ въ свои думы и македонецъ опять былъ предоставленъ самому себѣ...

— Разрѣшите присѣсть къ вамъ, уже больше года не слыхалъ родной рѣчи. — Я вздрогнулъ, повернулся въ направленіи голоса. Передо мной стоялъ монахъ.

Широкое, русское лицо съ сильно развитыми челюстями, копна каштановых волосъ, окладистая рыжеватая борода и страшный, глубокій шрамъ, шедшій черезъ правый глазъ и терявшійся съ вдавленнымъ виском подъ монашескимъ клобукомъ. Левый - видящій глазъ, ласково и застѣнчиво смотрѣлъ на меня. Въ глубинѣ зрачка отражалась, согрѣтая внутреннимъ свѣтомъ, истрадавшаяся человѣческая душа, что придавало лицу облагораживающее и просвѣтленное выраженіе.

- Вы русскій? Садитесь отецъ, буду радъ. Откуда вы и куда направляетесь? Какъ попали сюда? -

Послѣ обмѣна рукопожатіями онъ степенно сѣлъ за мой столъ.

- Я, видите ли, больше года жилъ въ монастырѣ св. Наума - это недалеко отъ Охрида. Хочу пробраться на Аѳонъ и, если Богъ благословитъ, остаться тамъ жить. Тѣмъ болѣе, что я работать могу, а слыхалъ, что тамошняя братія уже стара стала и въ работникахъ нуждается. А откуда я? - Да всѣ мы изъ одного мѣста. И онъ ласково улыбнулся.

- Какъ разрѣшите васъ звать? - Зовите Саввой , а вы кто изволите быть? - Я назвалъ свое имя, отчество и фамилію.

- Петръ Сергѣевичъ, а вы не были на Кубани въ началѣ 18 года въ отрядѣ ротмистра К.? - - Какъ же, былъ!... - Ну, вотъ видите, мы оказались и сотоварищами. Я ваше фамиліе и раньше слыхалъ, да и встрѣчался съ вами раза два-три, только ночью - приходилъ къ вамъ съ пакетами отъ поручика Владимира Ивановича Крашевскаго, лица вашего не могъ разглядѣть. Въ моей памяти быстро замелькали воспоминанія изъ періода секретной работы на Кубани, по поддержкѣ связи съ городами занятыми большевиками. - Очень, очень радъ встрѣтиться, вотъ это неожиданная радость! А какъ ваше фамиліе? - - Бывшій матросъ черноморскаго флота Онѣсъ -

Прежній родъ службы моего собесѣдника рѣзкимъ толчкомъ отозвался въ сердцѣ; фамиліе его мнѣ было знакомо, но я никакъ не могъ вспомнить - гдѣ именно? Повидимому, на моемъ лицѣ какъ-то отразился эффектъ, произведенный его послѣдними словами и онъ наклонившись, положивши мнѣ на колѣно руку, умоляюще произнесъ: Простите, Христа ради, велики были мои грѣхи, но, благодаря Бога, и велики мои страданія - уповаю на милость Божію. -

Мнѣ стало неловко и я поторопился отвѣтить: Полноте, отецъ Савва , разъ вы служили съ поручикомъ Крашевскимъ, это для меня достаточно, а насчетъ грѣховъ - у кого ихъ нѣтъ, да я и не судья -.

Наша бесѣда приняла вскорѣ сердечный характеръ. Я сообщилъ ему, что поручикъ Крашевскій находится въ Бѣлградѣ, хлопочетъ объ опредѣленіи его въ домъ инвалидовъ.

- Ну, вотъ, если увидите его, передайте мой поклонъ. Я то, вѣроятно, съ нимъ больше не увижусь: хочу уйти отъ міра. -

Много несколько раз, возможно деликатней, делалась попытка узнать о происхождении его ранения, но отец Савва упорно уклонялся от прямого ответа и всякий раз говорил, что повернулся большевикам, которые его и разукрасили.

-Все хорошо, Петр Сергеевич, и работать здоров, вот только голова часто болит, моченьки моей нет. Доктора запретили тяжелый труд. И, Господи, что же я без работы делать буду?- Все равно, без Божьего соизволения не умру...-

Перед вечером, расплатившись с македонцем, мы вышли из кофейни и пошли к озеру. Оно было неспокойно. Расположившись на берегу долго сидели молча и, как-то помимо своего сознания, я в полголоса запел. Кудеяра." Мой компаньон молчал. Через некоторое время я услыхал подозрительное откашливание. Быстро оглянулся. Видящий глаз отца Саввы горел огнем глубокого страдания, крупная слеза ползла по щеке теряясь в бороде и я заметил в этот момент какую-то особую прозрачность его лица.

Простите, отец Савва, я не буду петь...

-Петь, петь пойте, прошу вас, хорошая, душевная песня.- и он истово перекрестившись зашептал: Христе, Свете Истины, просвещая и освящая всякого человека грядущего в мир. Да знаменуется на нас свет лица Твоего...

Он еще несколько раз просил меня петь, но у меня, как-то, не хватало то-ли смелости, то-ли чего другого, название чему я затрудняюсь дать. Мы сердечно распрощались до утра - нам вместе предстоял путь до Скопле. Как я не уговаривал его расположиться у меня в номере, он отказался.

Войдя утром в кофейню, я отца Саввы не застал. Время близилось к отходу поезда, его все не было. Наконец, хозяин мне сообщил, что о. Савва вчера вечером выехал поездом в Скопле, попросив передать мне поклон и извинение, что он не мог предупредить меня. Один момент я готов был отправиться ему в догонку. Было стыдно, больно и тяжело при мысли, что я мог неосторожным словом причинить ему боль. Вот, еще одна, на пути скитаний, промелькнула измученная, с незаживающей раной, и в скорби великая, русская душа...

Около полудня поезд, перевалив горный кряж, пошел под уклон, ускоряя ход. На одном из поворотов мелькнула знакомая фигура. Я с замиранием сердца, высунулся из окна, и, что было сил крикнул: Отец Савва, родной, простите меня! Быстро промелькнуло тоже прозрачное лицо, озаренное внутренним светом, с застывшей ласковой улыбкой и донеслось: ..Христос с вами, за что-же? Прощайте! И рука поднялась, то-ли для крестного знамения, то-ли для привета. Я уже не мог разглядеть,- поезд начал делать новый поворот.

* * *

Через два дня я приехал в Белград. Первым моим желанием было разыскать

поручика Крашевского и разсказать ему о моей встрѣчѣ. Онъ оказался въ одномъ изъ общежитій, гдѣ занималъ маленькую комнатку. Послѣ привѣтствія, почти сразу я сказалъ ему, внимательно слѣдя за выраженіемъ лица: „Володя, а я тебѣ привезъ поклонъ.“
– Отъ кого?–
– Отъ Онѣга, ты зналъ или помнишь такого?–

Несмотря на то, что Крашевскій былъ безъ ноги, онъ вскочилъ, схватилъ меня за руки и въ глубокомъ волненіи набросился на меня съ разспросами: – Онъ живъ? Гдѣ ты его видѣлъ? Я его розыскивалъ, но безрезультатно и рѣшилъ, что онъ погибъ. Вѣдь ты знаешь, это святая душа!.. Я ему разсказалъ о встрѣчѣ съ о. Саввой . Крашевскій долго сидѣлъ съ поникшей головой.

– Рѣшилъ уйти отъ міра... Да, такимъ людямъ въ міру не мѣсто. Мнѣ кажется, что только они принесутъ спасеніе Родинѣ – безконечно сильна ихъ сила вѣры, ибо они были озарены свѣтомъ Христовымъ. Я разскажу тебѣ его исторію:

Какъ-то въ январѣ 18 года, я съ разъѣздомъ отправился въ N-скій хуторъ. Ты знаешь, что въ то время фронта не было и въ расползавшемся „товарищескомъ“ морѣ, мы были почти незамѣтными клочками, когтящими съ мѣста на мѣсто, безъ тыла и обозовъ. Ночью мы вошли въ N-скій хуторъ. Первымъ дѣломъ, какъ всегда, направился къ Петренко, помнишь тотъ, у котораго мы оставляли лошадей и иногда прятали раненыхъ? Мы хотѣли расположиться отдохнуть. Устали страшно, промерзли. Вѣдь пришлось сдѣлать верстъ тридцать, а кони и безъ того были измучены, да къ тому же и такая разыгралась мятель, что, какъ говорится, зги не видать. Только я пріоткрылъ дверь въ комнату, онъ бросился на меня, прижалъ палецъ къ губамъ, свирѣпо посмотрѣлъ на дверь въ сосѣднюю комнату и вытолкнулъ меня въ сѣни, выскочивъ вмѣстѣ со мной.
– Въ чемъ дѣло?– Спросилъ я шепотомъ.
– У меня въ квартирѣ матросъ, а у сына остановилась его ватага, восемь человѣкъ, всѣ пьяны. Мой матросъ привезъ какого пьянаго священника. Уже онъ надъ нимъ издѣвался, былъ нагайкой, выбился изъ силъ, тотъ только Богу молится, а ни разу не крикнулъ. Идите управляйтесь съ тѣми, они, навѣрно спятъ, а потомъ придете за этимъ. Онъ никуда не уйдетъ, не въ состояніи, да если попытается, я не кущу.“

Мы тихо вышли со двора. Насъ всего было пять человѣкъ. Одного за угломъ оставилъ съ лошадьми, а съ остальными направился къ сыну Петренко. Непогодь расходилась во всю – въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Хотѣлось это дѣло закончить, по возможности, съ меньшимъ шумомъ. Достали револьверы и взяли въ руки по гранатѣ. Подошли къ ставнямъ. Начали прислушиваться. Тишина. Осторожно открыли дверь, вошли въ сѣни, прислушались. Изъ комнаты донесился свирѣпый храпъ. Пріоткрыли дверь въ комнату. „Товарищи“ спали на полу мертвецкимъ сномъ. Въ носъ ударилъ тяжелый запахъ водочнаго перегара. Изъ сосѣдней комнаты пріоткрылась дверь и показался молодой Петренко. Я ему сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ скрылся и приложилъ палецъ къ губамъ. Вошли. Патроновъ было жаль – каждый на счету. Шепотомъ скомандовалъ:

R. Lazsky

Шашки вонъ! Руби!..

Хозяинъ запрягъ сани и мои люди помогли ему сложить трупы. Вернулись къ старику. Его я также услалъ. Быстро распахнули дверь въ комнату матроса. Онъ распоясавшись сидѣлъ на диванѣ. На столѣ, у противоположной стѣны горѣла лампа. Матросъ быстро вскочилъ и невѣроятными скачками бросился къ столу, желая сбить или потушить лампу и уже занесъ нагайку, него моментально схватили. Дѣтина былъ здоровый, едва управились, а приканчивать его сразу не хотѣли. Несмотря на отчаянное сопротивленіе и непередаваемую ругань, его скрутили и бросили на полъ.

—Эй, попъ, счастье твое, думаешь ты напомнилъ спасеніе себѣ? —Брехня, подарили тебѣ до слѣдующаго раза. Мы всѣ повернулись въ темный уголъ комнаты. На полу, внизъ лицомъ, лежалъ священникъ въ рясѣ. Взяли лампу. Подошли. Сухая, изможденная фигура старца въ старенькой рясѣ, разметавшіяся по полу жиденькія сѣдыя волосы и, запыленное въ сплошной кровоподтекъ, лицо изсѣченное нагайкой. Онъ былъ безъ сознанія. Привели его въ чувство.

—Кто вы? —

—Свои, батюшка, не бойтесь! —

Онъ обвелъ насъ еще не вполнѣ сознательнымъ взглядомъ, видимо, увидѣлъ погоны и слабо произнесъ: „Христолюбивые воины... Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ!... И старческое лицо еще больше покрылось сѣтью морщинъ — зарыдалъ. Какъ могли и умѣли, мы старались его успокоить и приласкать. Взяли на руки и посадили на диванъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ ряса была разсѣчена нагайкой и струилась кровь.

—Ну, батюшка, отдохните, а завтра утромъ возьмемъ васъ съ собой. —

Матросъ лежалъ молча. Священникъ попросилъ подвести себя къ нему. Кротко склонился и превозмогая себя, медленно заговорилъ:

—Чадо мое милое, прости меня, если я въ сердцѣ твоемъ вселилъ злобу. —

Матросъ началъ опять ругаться. Священникъ съ трудомъ повернулся къ иконамъ, сложилъ старческую дрожащую руку въ крестное знаменіе и проникновенно зашепталъ: „Христе, Свѣте Истины...

Мы молчали крестясь. Матросъ тяжело дышалъ.

—Батюшка, мы васъ положимъ на диванъ, матроса уберемъ и вы постарайтесь уснуть. Если вамъ нужно будетъ помочь — позовите насъ, мы будемъ въ сосѣдней комнатѣ. —

Глядя на него, казалось очевиднымъ, что онъ едва ли доживетъ до утра. Онъ обратился ко мнѣ: „Вы начальникъ? Уважьте мою послѣднюю просьбу, близокъ мой смертный часъ, оставьте его со мной. —

—Батюшка, да онъ вамъ покою не дастъ! — Оставьте, прошу васъ, христолюбивые воины! —

Меня тронула его просьба и я согласился, хотя смысла его просьбы совершенно не пони-

мать. Перед уходом я с лампой нагнулся к матросу. Его лицо покрылось крупными каплями пота. Он продолжал тяжело дышать. Мы вышли и полуприкрыли дверь. Я приказал вывезти труны и спустить под лед в Кубань, чтобы не оставалось никаких следов.

Не раздеваясь легли вздремнуть. Я ночью проснулся. Из комнаты священника доносился шепот. Подошел к дверям и заглянул. Матрос лежал неподвижно. В углу, под иконами, распластавшись на полу лежал священник и молился. Можно было разобрать только отдельные слова и вдруг старческим голосом слабо запел - „Покаяния отверзи ми двери"... Матрос тяжело вздохнул...

Ночь прошла. Светало. Степь еще курилась стихающей метелью. Я приказал вывести матроса и положить батюшку на диван. Матрос с трудом опустив глаза.

- Твое фамилие? - Огнев. Расстреливайте скорей. Сказать я вам больше ничего не скажу. -

- Не торопись, своего дождешься. Приказал вывести его к Кубани и отправить вслед за товарищами. Он повернулся чтобы уходить. Донесся голос батюшки. Я вошел к нему. У него начиналась предсмертная икота.

- Где ваш пленник? - Здесь батюшка. -

- Введите его ко мне. -

У меня не было сил отказать и я исполнил его просьбу. Огнева подвели к дивану.

- Чадо мое бедное, милое!... Ты, Господи изгонял бесов, изгони и из него дух бесовский! -

Мы остолбенели. Матрос упал на колени. Дрожащая рука легла на его голову. Батюшка торопливо начал шептать, но мы могли разобрать только последние его слова: - Прощаю и разрешаю... И впал в беспамятство. Огнев несколько мгновений шатался, наконец с дикими, звериными рыданиями припал к руке батюшки.

Я не знал, что мне делать. Священник пришел в себя, приподнялся и с громадным усилием, смотря в упор на меня, произнес: - Поцелуйте его, возьмите с собой... он будет Христов воин... И упал... Скончался.

Все склонились на колено. Долгая пауза. Огнев начал читать: - Отче наш, иже еси... - Остановился и в досаде махнул рукой: - Окаянный я и это забыл. Упокой его душу, Господи! -

Я обратился к Огневу: - Вставай! -

Он медленно встал и повернулся ко мне: „Ваше благородие, смерть мне не страшна, жизнь будет тяжелый и страшный, поверьте мне, если вы дадите мне жизнь - всю отдам вам, хочу искупить свое окаянство. -

За спиной рыдала жена Петренко приговаривая: - И мой старшой, сиротинушка, вот так же, где-нибудь мается... Простите его! - Я повернулся. Все стояли опустивши головы. Старик Петренко заскорузлым кулаком размазывал по щекам, крупные, как горошины слезы.

Вот она русская душа! Разгадай ее!... Приказал Огневу развязать руки.

Я поверилъ ему и никогда въ этомъ не раскаивался. Онъ поѣхалъ съ нами. Я все разсказалъ ротмистру К., какъ было дѣло. Ротмистръ К. приказалъ его вести и поздоровался съ нимъ.
-Здравія желаю, ваше высо-біе.
К. подошелъ къ нему вплотную.-Зови меня г. Ротмистръ. Ты хочешь служить съ нами Родинѣ?.. Вспомни вѣру твоихъ отцовъ, вернись къ ней!..-Г. Ротмистръ, до послѣдней капли крови, буду вѣренъ вамъ, говорю, какъ передъ Богомъ. Простите меня окаяннаго! Не страшусь смерти, а гнѣва Божьяго...
-Богъ тебя проститъ, иди... и К. крѣпко обнялъ его.

Партизанская жизнь пошла своимъ порядкомъ, если только въ ней есть какой-либо порядокъ. Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда, какъ вы знаете, меня назначили начальникомъ заѣйки, для поддержки связи черезъ Тамань съ Крымомъ. Насъ было трое-я, корнетъ Житовъ и Онѣевъ. Работа послѣдняго была выше всякой похвалы, а о выносливости и говорить не приходится; особенно большую службу сослужили его прежнія матросскія знакомства и сохранившееся удостовѣреніе какого-то комитета. Въ результатѣ-мы имѣли своихъ людей тамъ, гдѣ трудно было предполагать. Нѣсколько разъ приходилось у Керчи, въ дрянной рыбачьей лодченкѣ, въ непогоду, переплывать проливъ и у него это выходило съ какимъ-то особымъ задоромъ. Однажды, у Таманскаго берега, мы столкнулись съ краснымъ дозорнымъ катеромъ. Вскали съ нагрузкой-въ лодкѣ, подъ рогожей, лежало нѣсколько ящиковъ съ патронами, револьверы и съ десятокъ карабиновъ. Силы были далеко не равны. Разсуждать было поздно. На окрикъ:-Стой!... Онѣевъ лѣнивo процѣдилъ-Чего надо?-
-Кто такіе?-А вамъ какое дѣло?-
Начальникъ катера вломился въ амбицію, съ руганью и угрозами полѣзъ въ лодку. Онѣевъ огрѣлъ его своей лакой, тотъ безъ единаго слова шлепнулся въ воду -Будешь знать, какъ надо разговаривать съ черноморскимъ матросомъ!... Послалъ ему въ догонку.

Послѣднія слова имѣли магическое дѣйствіе-вызвали извиненіе со стороны остальныхъ лицъ дозора и черезъ нѣсколько секундъ они, вмѣстѣ съ нами, добродушно вылавливали изъ воды свое начальство. Тотъ выбравшись, въ миролюбиво-заискивающемъ тонѣ началъ укорять Онѣева, почему онъ сразу этого не сказалъ?. Ну, въ общемъ разъѣхались друзьями и при прощаніи „товарищи" пожелали намъ счастливаго пути.

Время шло, близилась весна, а на Кубани она приходитъ рано. Мы возвращались изъ „поѣздки." Съ юга тянуло теплымъ вѣтеркомъ. Снѣгъ началъ темнѣть, дѣлаясь ноздреватымъ. Обыкновенно, при своихъ возвращеніяхъ, мы, около Славянской, по льду переходили ночью Протоку (рукавъ Кубани)-на этотъ разъ счастье намъ измѣнило, ледъ тронулся, а мы должны были обязательно добраться этой ночью до штаба. Единственнымъ мостомъ переправлялся желѣзнодорожный мостъ, но онъ былъ занятъ красной заставой и по имѣвшимся свѣдѣніямъ охранялся обительно, такъ какъ другой берегъ теоретически занимался бѣлыми, но туда, лишь изрѣдка, изъ Полтавской наѣзжали небольшіе разъѣзды и весьма на непродолжительное время-не хватало людей. Рѣшили идти напроломъ. Мы знали, что на станціи Про-

тока (верстах въ двухъ отъ моста) имѣется ручная дрезина - вотъ и рѣшили ее добывать. Митова оставили на пол-пути къ мосту, у насыпи, съ опаснымъ „товаромъ", а я и Огневъ пошли на станцію. Вокзалъ имѣлъ сонный видъ, такъ какъ движенія, кромѣ броневыхъ поѣздовъ, не было. По платформѣ бродило нѣсколько солдатъ и мы присоединились къ нимъ. Изъ кабинета комиссара станціи доносился разговоръ. Черезъ нѣсколько минутъ перешли черезъ полотно къ сараю, гдѣ помѣщалась дрезина. Она была на мѣстѣ. Выкатили, поставили на рельсы, на насъ никто не обращалъ вниманія. Поѣхали ... Проѣзжаемъ мимо вокзала. Пошли въ гору, поднимаясь къ мосту. По пути подобрали Митова. На всякій случай, положили по двѣ гранаты. Револьверы наготовѣ. Подъѣзжаемъ къ мосту. Окрикъ - Стой! Пропускъ!? -
Отвѣтъ - Свои! Пошелъ къ горѣ!.. Чего ты орешь?.. Проѣзжаемъ часового. - Стой! Куда! Стрѣлять буду! - Щелкнулъ затворъ.

Изъ караульной землянки донесся шумъ. Бросили нѣсколько гранатъ, стрѣляемъ. Тамъ въ догонку стрѣльба и тоже гранаты; одна изъ нихъ, какъ видно артиллерійскаго образца, попадаетъ подъ дрезину. Не успѣли опомниться летимъ вмѣстѣ съ дрезиной на воздухъ. Огненнымъ укусомъ ударило меня въ плечо и чувствую, что рукавъ рубахи началъ сочно пропитываться горячей кровью. Митовъ лежитъ безъ движенія, какъ видно убитъ. Нѣсколько мгновеній тишина и вновь открыли стрѣльбу, медленно отползая по настилу моста. Гранаты летятъ, но не достигаютъ насъ. Несется ругань, крики и отвѣтная стрѣльба усиливается. Судя по вспышкамъ выстреловъ, они тоже ползутъ. Наконецъ мы перешли мостъ. Укрывшись за каменнымъ парапетомъ, отстрѣливаемся, дорожа каждымъ патрономъ - ихъ осталось не такъ много.

Хриплымъ голосомъ Огневъ шепчетъ: „Господинъ поручикъ, уходите, я останусь въ прикрытіе, спасайте бумаги"...
- Нѣтъ, Огневъ, побѣдимъ вмѣстѣ -
- Не могу! - Почему? - Въ ноги раненъ. За мостомъ они насъ сразу схватятъ. Судьба противъ насъ! -
Передалъ ему всѣ патроны, оставивъ одинъ у себя. Словъ не находится. Въ мысляхъ вопросъ: послѣдній поцѣлуй?.. Господи сотвори чудо!.. И рысью пускаюсь подъ откосъ насыпи. Я уже пробѣжалъ съ версту. Перестрѣлка затихла... Конецъ?..
Господи, сотвори чудо!.. Конскій топотъ. Рысью несется нашъ разъѣздъ къ мосту. Скорѣй!.. Сажусь одного всадника и передаю ему бумаги... Скорѣй, надо спасти Огнева!..
Переходимъ въ карьеръ. До моста остается сажень пятьдесятъ. Надъ головой просвистѣло нѣсколько пуль - насъ прикрываетъ насыпь. Кубаремъ скатились съ коней, привязали ихъ къ телеграфному столбу и бѣжимъ цѣпью. Стрѣльба разгорается, красные бѣгутъ.
Бѣгу къ парапету. Чувствую, что вотъ тамъ лежитъ Огневъ ... Нѣтъ ... Нѣтъ ...
Только не убитъ! Вотъ онъ, тяжело хрипитъ, лицо залито кровью.
- Онюша, родной мой, слышишь меня?.. Тотъ же хрипъ. Соратники съ моста принесли Митова. Убитъ. Надо скорѣй уходить - слышно идетъ броневикъ.

Ночь прошла. Был доктор, сделал перевязку, сказал что едва-ли выживет - прикладом разбит весь висок и выбит глаз. Два дня я просидел у его постели - он не приходил в сознание. Полтавцы отказываются нам в поддержке. Вынуждены уходить на Екатеринодар. Что делать с Огневым? Везти его невозможно. Собрались на совет. Решили через станичное правление передать его большевикам, под видом взятого нами в плен матроса, было при нем и удостоверение сохранилось, а они его безусловно отправят в Новороссийск в госпиталь, как своего.

Как ни тяжело было, но пришлось подчиниться суровой необходимости...

× × ×

Начался второй Кубанский поход. Армия с боем занимает Торговую и в нескольких верстах от нея, с. Выраниковское. Только что расположились по квартирам. Я во дворе на сене пристроился, предвкушая отдых после тяжелого дня. Слышу: - Поручик Крашевский, где вы? Вас спрашивают -

Нехотя встаю и направляюсь к воротам. Не верю своим глазам: босый, с косой на плечь, в рубахе с разстегнутым воротником, в полотняных деревенских штанах, со страшным шрамом на лице - передо мной Огнев.

- Огнюша, откуда? В косарях состоишь? - К вам пришел, опять с вами служить буду. - Дальше я и не помню хорошо, что мы делали и о чем говорили. Вылечился он у большевиков. - Поручик Крашевский долго молчал.

- Ну, пошли мы к командиру полка, сами знаете, какого численного состава были полки того времени. Историю с Огневым он знал, а я ему только напомнил.

- Здравствуйте, голубчик, очень рад иметь вас в наших рядах, только ваша очередь потомь будет, сейчас в строй не пущу и не говорите, за это и Бог свиньей назовет, а вот что сделаем: идите к поручику Крашевскому в роту, пока что, с патронной двуколкой. Так на этом и остановились.

Мы были, почти все время, неразлучны. В бою под Кореновской, мне осколком снаряда разбило ногу. Я потерял сознание и полк, не заметив меня отошел. Огнев, на этот раз, был уже в цепи, что он проделывал в особо опасных случаях, когда дорог был каждый человек, а в патронной двуколке частенько нечего было подвозить.

Я очнулся, когда наши цепи были уже в полуверсте. Справа большевики охватили уже фланг. У меня было состояние, как у зрителя, не принимающего участие в развертывающихся событиях. Приподнялся на локтях. По полю саженными бросьми несся Огнев, озираясь по сторонам. Увидев меня, подбежал, не говоря ни слова взвалил на плечи...

Дальше? Дальше не помню. Очнулся в Тихорецкой, в госпитале, ноги у меня уже не было. Осмотрелся... Рядом, в полузабытьи лежал Огнев. Он был ранен в бок.

Долго лежали вместе, потом и служили вместе. Его за боевые отличия произвели в

офицеръ, но онъ къ этому не могъ привыкнуть. Разлучила насъ эвакуація. Такъ случилось, что выѣхали, какъ оказывается, разными пароходами и потеряли другъ друга изъ виду...-

Въ комнатѣ было уже совсѣмъ темно. Яркимъ огненнымъ пятномъ, то разгораясь, то затухая, свѣтила папироса. Говорить больше ни о чемъ не хотѣлось. Каждый изъ насъ по своему переживалъ разсказанное и, мнѣ казалось, мы взаимно благодарили другъ друга за молчаніе.

-Эхъ Онюша, Пошли бы мы съ тобой вмѣстѣ на Аронъ, да остановка за малымъ... ноги не хватаетъ,- поворачиваясь къ стѣнѣ лицомъ, въ раздумьи произнесъ Крашевскій, закряхтѣлъ старчески и замолкъ.

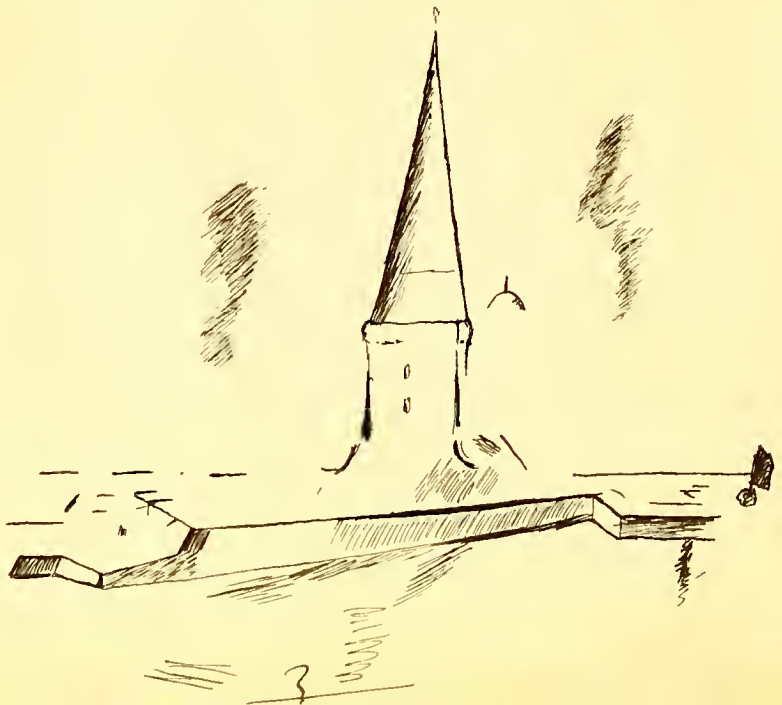
X X

X

Птицы бездомныя, бурей гонимыя и крылья вамъ всѣ изломало и душу разтерзало. Въ вашемъ великомъ порывѣ вы вымлись до дна и ушли безропотно по темнымъ закоулкамъ, въ холодъ, въ голодъ, доживать свои безрадостные дни.
Много воды ушло съ тѣхъ поръ, за эти годы.

Тѣ, кто за вашей спиной, грузили на пароходы увѣсистые чемоданы, а потомъ разбазаривали въ комиссіонныхъ лавкахъ и притонахъ всего міра, отмахиваются отъ васъ съ досадой - все это имъ надоѣло...
Пытались и „рвы засыпать", но кажется, ни одному изъ нихъ не пришло на мысль, бросить, хоть маленькую, горсть земли на ваши забытыя могилы, тоже разсѣянныя по всему міру.

Изъ нихъ Кудеяровъ не будетъ.



Курганъ скорби.

Въ туманно-холодной дали исчезая
Покинувъ предѣлы родимой земли
Ушли, за собою волну оставляя
И пѣну вздымая на югъ корабли.
По небу неслися, какъ мрачныя думы,
Осеннія тучи и дождикъ порой
Точилъ свои слезы печали угрюмой
Надъ темно-свинцовой, шумящей водой.
Здѣсь скорбей дорога, едва уловимой
Полоскою тающей пѣны легла, -
Той крестной дороги, вела что до Крыма, -
Начало кровавое взявъ у Орла.
Пройдутъ корабли и улягутся волны,
Политыя кровью обсохнутъ пути:
Но рыцарь-изгнанникъ, скиталецъ бездомный
Свой крестъ будетъ гордо къ Голгофѣ нести.
Гдѣ будетъ казненъ онъ? Паломникъ объ этомъ,
Пришедшій склонить предъ распятымъ главу,
Разскажетъ отчизнѣ и лира поэта
Грустя передастъ ей людскую молву.
Разскажетъ она имъ о славной могилѣ
О томъ мавзолеѣ у водъ Дарданеллъ,
Гдѣ въ братскихъ объятьяхъ на вѣкъ опочили
Нашедшіе жизни земной здѣсь предѣлъ.
Сѣдой запорожецъ и тотъ, кто глубоко
Любилъ свою Русь и въ изгнанье принесъ
Не понятый ею, какъ горечь упрека,
Горящее сердце, подъ этотъ утесъ.
Утесъ изъ камней принесенныхъ любовно
Къ останкамъ соратника, брата, отца
Живою еще, но уже утомленной,
Въ борьбѣ непосильной, рукою бойца.
И міру о сотняхъ голодныхъ, забытыхъ,
О сотняхъ нашедшихъ покой здѣсь людей,
О жизняхъ помятыхъ, о жизняхъ разбитыхъ
Разскажетъ у водъ голубыхъ - мавзолей.

О толь онъ разскажетъ, какъ въ улицахъ Пера
Свой бѣленькій крестикъ продалъ инвалидъ,
Какъ въ улицахъ темныхъ жена офицера
Шла къ мужу съ деньгами, рыдая навзрыдъ.
Какъ мужъ въ ожиданьи баюкалъ ребенка
Просилъ свою крошку не плакать и ждать,
Какъ сквозь невинныхъ и радостно-звонкихъ
Встрѣчала малютка усталую мать.
Онъ вспомнитъ о тѣхъ, о, быть-можетъ, немногихъ,
Кто стиснувши зубы безсильно страдалъ
И въ пальцахъ слабѣющихъ, до смертной дороги
Родимое знамя любовно сжималъ.
И вспомнитъ былое, разскажетъ о многомъ
Отчизнѣ и міру простой мавзолей
О тѣхъ, кто забытъ былъ, казалося, Богомъ
И шелъ одинокой дорогой своей.
Уйдутъ корабли, засинѣются вновь дали.
Отъ солнечныхъ бликовъ растаетъ туманъ
Но въ сякъ будетъ помнить дорогу печали
Отъ града Орла до цвѣтущихъ Балканъ.

П. С.

На фронтъ съ зеленымъ.
Въ тюрьму.

За поворотомъ шоссе, приближавшимся въ этомъ мѣстѣ къ морю, все еще шумному, какъ бы взволнованному, грозно наступавшему на берегъ, гдѣ люди творили свои злодѣянія, пьяные увидѣли растрѣлянныхъ, раньше вышедшихъ изъ барака.

По безпорядочному расположенію труповъ отчетливо представилась картина послѣднихъ предсмертныхъ минутъ, еще такъ недавно живыхъ и хотѣвшихъ жить

непрерывно, что подтверждалось тем, как убиваемые, по-видимому, делали попытки отвратить надвигающуюся неизбежность.

Вот два крайних, лежавших в стороне, в последний момент сделали попытку спастись бегством и подстреленные, раненым продолжали стремиться к жизни, прерванной окончательно выстрелом в упор.

При гробовом молчании со все возрастающим волнением, когда ноги начинают казаться чужими, затаив дыхание, колонна, помимо своей воли, напрягая последния силы, тронулась шаги, стремясь скорее отойти от страшного места, свидетельства человеческой злобы, рожденной революцией, давшей право человеку быть судьей себе подобных и в то же время карающей десницей.

Никто не смел произнести слова вслух и эта наступившая тишина как-бы являлась выражением глубоких чувств, навеянных от рук палачей соратниках. Эта молитвенная тишина изредка прерывалась еле уловимым шепотом конвоиров, тоже потрясенных виденным, но по своему и старавшихся внести бодрость:

„Ничего, товарищи, не робейте, кого надо было вывести в расход - вывели, а вас поведем в тюрьму".

Но чем же были те виноватые и почему их „надо было вывести в расход"? Одному Всевышнему Создателю и безмольному созерцателю мира известны сроки нашего земного существования.

Пасмурный, серый февральский день, казавшийся бесконечным, перешел в ночь, темную, при том такую, когда не видно ни зги, холодно, сыро. Подгоняемые настойчивыми конвоирами пленные, выбиваясь из последних сил, проходят расстояния от привала до привала.

Н. стоически переносит нестерпимыя страдания - изрезанныя о щебень ноги кровоточат; только мгновение, пока ноги поднятыя для шага извлекаются из грязи, разница в температуре дает некоторое облегчение, за которым следовали новые приступы боли.

За ради чего эти страдания? И стоит ли дальше жить? - Быстро вырастает вопрос. Получился отпыт в действии: на первом же привале Н. решил дальше не идти, посчитав, что конвойные няньчиться с ним не будут и свершится то, что в таких случаях происходит - будет убит.

Привал. Раздалась команда старшего конвойного: „Построиться".

Н. не тронулся с места; не поднялся когда по его адресу раздался резкий окрик. Наконец Н. не увидел, а почувствовал направляющуюся к нему какую-то фигуру и также не увидел, а почувствовал занесенный над ним приклад.

„Дальше я не пойду, не могу, добивайте," последовал в ответ на окрик решительный голос Н. Послышалась площадная брань и щелкнул затвор. Но в то же мгновение, совершенно неожиданно из темноты выросла фигура человека, обратившагося

спокойно къ заносчивому конвоиру съ предложеніемъ оставить выбившагося изъ силъ „товарища" на его попеченіе, пообѣщавъ своевременно доставить плѣннаго къ мѣсту ночлега. Спокойный тонъ, но рѣшительно произнесенныя слова не встрѣтили сопротивленія и угрожавшій расправой растворился въ темнотѣ.

Нѣкоторое время слышались шлепанія нѣсколькихъ десятковъ ногъ по грязи, а потомъ наступила непередаваемая тишина.

Все происшедшее въ дальнѣйшемъ утвердило рѣшеніе N. въ необходимости жить во чтобы то ни стало и онъ внутренне упрекнулъ себя за слабость душевную, вызванную физическими страданіями.

„И чего мы воюемъ, товарищъ, для чего другъ друга мучаемъ?" — Были первыя слова, произнесенныя съ достоинствомъ, нѣсколько вкрадчивымъ баритономъ, повидимому уже не молодого человѣка. Внѣшне, какъ удалось разсмотрѣть при свѣтѣ спички, зажженной для закуриванія имъ же предложенной и свернутой козьей ножки, опрятный, благообразный, съ лицомъ обрамленнымъ окладистой бородой, въ лаптяхъ (характерная обувь тѣхъ мѣстъ) онъ являлъ типъ Тургеневскаго Калиныча — уравновѣшаннаго, спокойнаго, разсудительнаго, съ философскимъ умомъ, простыми и стройными понятіями и такими же словами.

Діалогъ начавшійся словами о никчемности гражданской войны, постепенно захватилъ болѣе широкія темы. Незамѣтно встали, съѣвъ предварительно пополамъ подѣленный кусокъ кукурузнаго хлѣба и направились къ мѣсту ночлега.

Человѣчность, простого, случайно встрѣтившагося на пути человѣка, сердечное и задушевное участіе его придало бодрости N. и незамѣтно пройдя путь и дружески распрощавшись со своимъ спасителемъ N. вошелъ въ комнату, переполненную уже спавшими, тяжело уставшими людьми. Повалившись на полъ, между двумя спавшими, N. также быстро заснулъ.

На другой день предстоялъ послѣдній переходъ до ближайшаго города, гдѣ находилась тюрьма — единственно желанная цѣль переживаемаго имъ момента.

Продолженіе слѣдуетъ.

Нимъ.

I.

Лучистыя струились мечты.
Восторженно отъ міра отчужденны,
Своей любви мелькали свѣтлячки
Слились понятія слова - я и ты -
Одною болью сладкою пронзенны.

Терялись въ вѣчности изжитые часы,
И возвращались сверкали неизмѣнны
Какъ переливы утренней росы;
Предвѣчный грузъ приняли счастія весы
И грѣхъ терялся въ радости священной.

II.

Разсмѣялася нарочито и звонко.
Вызовомъ метнулися глаза.
И притихла жалобно въ сторонкѣ -
Сердце съ разумомъ бѣжали въ перегонки -
Злоба тлѣла, жалость и слеза.

Молчаливое тянулося томленье,
Неувѣренный пожался взглядъ.
Въ немъ скользнуло дальнее рѣшенье,
Было въ немъ послѣднее горѣнье -
Счастью прошлому торжественный парадъ.

И. С.
Бѣльфоръ.

Ксенія.
Разсказъ.

До девяти лѣтъ прожила Ксенія въ крестьянской хатѣ, въ маленькой деревнѣ, близъ моря. Среди братьевъ и сестеръ выдѣлялась она скромностью и стремленіемъ къ уединенію. То займется тряпками, то наберетъ камешковъ и играетъ часами, что-то нашептывая про себя. Потомъ стала ходить она къ морю и вмѣстѣ съ остальными помогала чистить рыбу.
Но не спорилось въ рукахъ дѣло... Осторожно, медленно беретъ рыбу, все время вытираетъ руки.
– Что ильньицкая барышня," – говорилъ бывало отецъ.
Несмотря на это и мать и отецъ любили Ксенію и какъ-то выдѣляли ее изъ среды другихъ дѣтей.

Потомъ пошла она въ школу и все время уходило у ней на уроки, да на уходъ за собой. И среди другихъ дѣтей школьниковъ скоро она обособилась, отличаясь и поведеніемъ и успѣхами. Кончила Ксенія школу, но дома не приносила никакой пользы, кстати въ ильньіе понадобилась дѣвочка для услугъ, староста предложилъ барынѣ Ксенію и вскорѣ она перешла въ сосѣднее ильньіе.

Быстро освоилась Ксенія на новомъ мѣстѣ и всѣ въ домѣ были довольны толковой и ласковой дѣвочкой. Все больше втягивалась Ксенія въ жизнь большого дома и все рѣже стала появляться въ домѣ отца. Пріодѣлась, принарядилась; придетъ домой, принесетъ всѣмъ гостинцевъ и всѣ ухаживаютъ за ней, обращаются съ уваженіемъ, какъ къ гостьѣ, какъ къ „городской".

Расцвѣла и похорошѣла дѣвочка. Стала первой красавицей не только въ деревнѣ и ильньіѣ, но по всей окрестности знали „ильньицкую Ксенію". Многіе парни ходили понуря голову, много засылалось сватовъ; но однажды, когда отецъ заикнулся было ей о сватовствѣ сына лавочника, она строго взглянула на него, рѣзко оборвала разговоръ, сидѣла меньше обыкновеннаго, недовольная ушла.

Ходила иногда Ксенія на деревенскіе танцы, посидитъ немного, ни кому не даетъ предпочтенія, со всѣми ровна, и уйдетъ раньше съ Катей, работницей изъ ильньія. Посмотрятъ парни вслѣдъ, только вздыхаютъ...

Но вотъ надумала барыня перебраться на время въ городъ, пожить у дѣтей. Выросли, очерились ея птенцы и рѣдко заглядываютъ въ свое гнѣздо.
Позвала Ксенію и спрашиваетъ ее, согласна ли она ѣхать въ Петербургъ.
– „Позвольте," – говоритъ Ксенія: „посовѣтоваться со своими".

Заохала мать, закручинился отецъ. Глухо проронилъ: „Смотри сама, какъ тебѣ, мы что..." Плачетъ мать глядя на нее. Обступили ребята, только старшій братъ возражаетъ, да отговариваетъ.
Всю ночь не спала Ксенія. Утромъ сказала барынѣ, что согласна ѣхать, а черезъ два дня

прощалась съ родными. Много было слезъ, много указаній и совѣтовъ и Ксенія покинула родные края.

Вотъ и столица. Большой домъ, комнаты и свѣта нѣтъ. Богато живетъ барынина дочка, вышедшая замужъ за гостившаго у нихъ въ имѣніи офицера, пріѣхала за старшаго сына Игоря.

Прошла первая суета, стала Ксенія присматриваться къ жизни столичнаго города, шумъ, громадное движеніе поражали и увлекали ее. Нарядная, свѣжая и красивая горничная повсюду обращала на себя вниманіе, а приказчикъ Ѳедоръ, человѣкъ уже не молодой, но съ деньгами сталъ уговаривать Ксенію выйти за него замужъ.

– Откроемъ лавочку и заживемъ съ вами, Ксенія Григорьевна, спокойненько, домкомъ.–

Отшутилась Ксенія и попрежнему продолжала тихо жить, да смотрѣть за своимъ домкомъ, изрѣдка посылая домой короткія письма, да отправляла аккуратно деньги отцу.

Пріѣзжалъ въ городъ отецъ. Погостилъ у дочки, остался доволенъ и осыпанный подарками и заботами и отъ дочки и отъ барыни спокойно уѣхалъ домой. Только при прощаніи не выдержалъ и слеза покатилась по огрубѣлому лицу.

Но не всегда была спокойна Ксенія.

Бывало уйдутъ всѣ, заберется она въ свою комнату и ходитъ по ней ломая руки, а то уставится въ одну точку, сидитъ неподвижно о чемъ то глубоко думая.

Подойдетъ къ кровати, достанетъ изъ подъ подушки свертокъ, бережно вынетъ изъ него свертокъ, и глядитъ на нее пристально долго, лаская, цѣлуя и поливая слезами.

Переживаетъ и вспоминаетъ то, что только она, да еще одинъ человѣкъ знаютъ на свѣтѣ. Помнитъ она хорошо тотъ день, когда пріѣхалъ погостить молодой баринъ, Игорь Евгеньевичъ.

Смутилась Ксенія блестящаго офицера, когда онъ улыбаясь осматривалъ ее и раскланивался, встрѣтя на балконѣ. Невольно обернулась Ксенія, а молодой баринъ стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Утромъ, на другой день, Игорь Евгеньевичъ всталъ раньше другихъ, не случайно встрѣтилъ опять у балкона Ксенію и попросилъ принести ему чая. Когда Ксенія вошла, неся поднос съ чаемъ, булками, молокомъ, онъ ходилъ по балкону и увидя Ксенію подошелъ близко къ ней.

– Вотъ спасибо,– и одной рукой старался помочь ей поставить поднос, а другую положилъ на плечо. Не позволявшая даже лишняго слова сказать при себѣ мужчинамъ Ксенія не нашла силы возразить что либо Игорю Евгеньевичу.

Медленно высвободилась она, яснымъ, довѣрчивымъ глазами взглянула на него и зардѣвшись, застыдившись быстро ушла въ домъ.

По нѣсколько разъ въ день встрѣчались они, Ксенія была какъ въ чаду, мысли рвались,

всю ее будто какая-то сила ухватила и лишила почвы.

Потомъ... Потомъ - садъ. Спитъ громадный домъ. Спитъ старая барыня вдова, пожелавшая спокойной ночи дорогому Игрушенькѣ, спятъ люди утомленные трудомъ и только двѣ тѣни безшумно скользятъ междъ вѣковыхъ деревьевъ.
Только луна, да старыя липы знаютъ тайну.

Прошелъ мѣсяцъ. Уѣхалъ гость. Стойко выдержала Ксенія разлуку: - Кабы барыня не догадалась, да милому не было непріятности. - И остался ей только портретъ, на другой сторонѣ котораго: „На память моей красавицѣ Клавдюшѣ отъ любящаго Игоря".
Уѣхалъ онъ въ свой полкъ, часто писалъ матери и приписывалъ привѣтъ доброй Ксеніи. Потомъ началась война. Вызвалъ онъ мать телеграммой и наскоро простившись съ ней уѣхалъ.

Много разъ приставалъ Федоръ къ Ксеніи, но она только коротко говорила ему: „Какая ужъ я вамъ жена, поищите получше".
И вдругъ все рухнуло... Закурилась, задымилась русская революція, не давъ вспышки хотя бы на короткій срокъ, гарью, удушливымъ смраднымъ дымомъ застлало землю, заслезила глаза, отравила души, задеревѣнели сердца. Гнулъ, жалъ всѣхъ прессъ свободы. Голодъ и смерть были побѣдными трофеями революціи.
Хлѣба - не кричали, но шептали, а то и безмолвно молили люди; хлѣба за все богатство, за любовь, за друга, за предательство, за кровь...
Не выдержала старая барыня и вскорѣ ушла изъ этого міра шепча благословеніе дорогому сыну. О немъ, далекомъ, отсутствующемъ были ея послѣднія думы.
Ушла старая барыня, забрали темной ночью ея дочь, вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ мужемъ. Тащили изъ дома все, что попадалось чужіе, безвѣстные люди. Ксенія осталась одна. И только Федоръ остался вѣренъ ей.
- Будьте моей женой, - повторялъ онъ: - Я васъ буду лелѣять какъ птичку"...
Въ слезахъ, безвольно повѣдала Ксенія свою тайну.
- Ну, что было то забудемъ, а новому времени и новыя дороги. -

На другой день Ксенія переѣхала въ маленькую квартиру жениха. Федоръ собирался бросить городъ и переѣхать въ деревню. Случайно подвернулся солдатъ, землякъ Ксеніи, пробиравшійся домой, она написала роднымъ письмо, сообщивъ о своей перемѣнѣ и адресъ мужа.

Былъ темный осенній вечеръ. Къ дому Григорія подошелъ человѣкъ. Озираясь, тихонько стукнулъ онъ въ окошко и прижался къ стѣнѣ. Вскорѣ послышался шумъ въ сѣняхъ и сухой рѣзкій голосъ Григорія: „Кто здѣсь?"
Человѣкъ вышелъ изъ за угла и подойдя поближе тихо сказалъ: „Это я, Григорій, Игорь Евгеньевичъ, изъ имѣнія". Встрепенулся Григорій и схвативъ Игоря потащилъ за собой.

Всю ночь не смыкали глазъ въ избѣ. Многое перенесъ за эти часы измученный и уже много пережившій Игорь.

-Мама умерла, мама умерла,- шепталъ онъ: „сестра овдовѣла, одна среди чужихъ. Ксюша замужемъ-рѣзануло сердце.

Утромъ Григорій далъ наказъ ребятамъ:-Ни пикнуть у меня, а то головы оторву-и повелъ Игоря спать въ заднюю комнату, приказавъ ни въ коемъ случаѣ не открывать туда дверь.

А на другой вечеръ Игорь прощался съ хозяевами и взглянувъ въ сторону роднаго дома тронулся въ безвѣстный путь. Мысли были цѣлы, не отдавая отчета къ нему-пробирался Игорь туда, гдѣ жила Ксенія и чѣмъ ближе подвигался, тѣмъ больше волновался и торопился скорѣе добраться до села.

Оборвавшійся, обросшій пришелъ онъ въ село и спросилъ у первой встрѣтившейся бабы домъ Ксеніи Окуневой.

-Это председательша то, да вонъ - и баба ткнула пальцемъ:-синія окошка.-

Ксенія возилась на дворѣ, около крыльца.

—Ксюша,—вырвалось изъ сердца и Игорь забывъ все кинулся къ ней. Ксенія рѣзко повернулась, вскрикнула и бросилась навстрѣчу.

Прошелъ первый порывъ. Явилась мысль-увидятъ, какъ быть? Дома живетъ старуха мать Федора, сестра, да и самъ скоро долженъ придти домой.

Рѣшили идти Игорю пока на сѣновалъ, а тамъ видно будетъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

. . . . . .

. . . . . .

Люблю вечернею порой
Бродить по улицамъ столицы,
Съ своей изысканной тоской.
Какъ будто новыя страницы
Забытой книги предо мной;
Бѣгутъ рисунки вереницей.
И знобко, чуждо, ловитъ взглядъ
Всѣ чужеземныя явленья.
Вдругъ разомъ мысли улетятъ
Въ желанно-сладкія селенья.
И рядъ картинъ на перебой

Завьется вихремъ торопливо,
Вскипаюсь гордостью спѣсиво,
Въ душѣ молитвенный покой
И радость сладкая, утѣха,-
Какъ бы потерянная вѣха
Опять явилась предо мной.
Благословенъ священный край!
Неповторимыя годины
Ушли, такъ скажемъ имъ-прощай,
Смирясь съ велѣніемъ судьбины...
Но мой продолжу разговоръ;
Бредешь, неясное томлѣнье
Нисходитъ тихо; на просторъ
Летитъ душа; ея горѣнье,
Какъ углубленное моленье,
Передаетъ туманный взоръ.
И мнится будто надо мной
Дрожаще робкое мерцанье,-
Звѣзды предъ пышною зарей
Лучей послѣднихъ трепетанье.
О, этотъ сладостный туманъ!
Больныхъ сердецъ обманный ропотъ.
Изъ многихъ, многихъ чуждыхъ странъ
Я слышу чей-то древній шепотъ.
И все теряется кругомъ,
Стихаетъ говоръ, перебранки,
Царитъ надъ всѣмъ, волшебнымъ сномъ
Далекій образъ севѣрянки...
О, гдѣ тѣ баловни фортунъ,
Что, да простится эта вольность,
Въ нашъ непредвидѣнный канунъ
Ловили вашу благосклонность.
Забыты ль величавый тонъ,
Капризы, легкая небрежность,
Манящій холодъ, скрытый стонъ,
Исканій жуткая мятежность,
Необъяснимой ласки нѣжность,
Веселый счастья перезвонъ.

Cat. 12

Но не отдѣлимъ свѣтлыхъ дней
Отъ нашей сумрачной эпохи;
Пусть отблескъ вспыхнувшихъ огней
Возжетъ остаточные крохи
Полу-безчувственныхъ сердецъ,
Дерзаетъ выразить пѣвецъ
Напѣвомъ скромнымъ величанье
За несравнимое терзанье
За тотъ страданія вѣнецъ
Что русской женщинѣ въ изгнаньи
Случилось гордо пронести.
Блѣднѣютъ злобные навѣты
Зачали древнія завѣты
Старинной правдою цвѣсти.
Придетъ тотъ часъ... Но мочи нѣтъ,
Нѣтъ силъ промыслить тотъ моментъ
Когда коснусь земли родимой...
Ушелъ миражъ... Мелькаютъ мимо
Черты чужихъ, холодныхъ лицъ,
Движенье этихъ вереницъ
Терзаетъ, давитъ, тяготитъ
И злоба легкая бурлитъ.
Такъ застарѣлая заноза
Такъ опадающая роза
Въ васъ раздраженіе родитъ.
Скорѣе въ тишь, гдѣ нѣтъ и слѣда
Той надоѣдной суеты
Въ тишь скромной бѣдной простоты.
Такъ поминальнаго обѣда
Всегда привѣтствуемъ конецъ
Такъ утро свадебнаго бреда
Ласкаетъ холодокъ колецъ.
Въ выси убогой конуры
Смиряюсь торжествомъ прикрытымъ
И чувство-скоро будутъ сбиты
Замки съ застѣнка и тюрьмы.

. . . . . .

. . . . . .

В. П.

Грезы.

Е. М. Ка-ой.

Грезы юности мятежной,
Пьесь восторженной души,
Жизни сказка, сказка вьючной
Безпредельной красоты.

Грезы ландыша невинность,
Бредь чарующей весны,
Сердца милая наивность –
Грезы счастья, грезы-сны.

И порывъ, и восхищенье,
Звуковъ дивныхъ упоенье,
Стонъ, призывъ, томленье ноги,
Царства фей волшебны брегы.

Грусти дымка, призракъ счастья,
Міръ цвѣтовъ, игра видѣній,
Тѣнь минувшаго ненастья,
Радость сладостныхъ мгновеній.

Нѣжный шепотъ, тихій лепетъ,
Лучезарная любовь!
Цѣлый надежд, сонные трепетъ,
Блескъ манящихъ огоньковъ.

Мыслей взлетъ, мечты рожденье,
Жизни вѣра, просвѣтленье.
Благость, сладость бытія
Скорбь и горечь пробужденья,
Дня грядущаго заря.

Грезы – кристаль примиренья,
Дней минувшихъ отраженье,
Проблескъ хмурой сѣдины.
Благодарное моленье,
Тьмы ползущей озаренье.

Грезы счастья, грезы-сны.

Есть люди кроткіе – но кротость величава,
Добромъ и мудростью она озарена
И истина житейскаго устава
Укоромъ на душѣ у насъ отражена.

Есть люди мягкіе – но мягкость утонченна,
Страданье и любовь развѣяли разборъ.
Отъ нихъ предѣлъ въ сіяньи озаренномъ
Окрылшіе въ сверкающій просторъ.

Есть люди тихіе – но тишь благословенна,
Надеждой ясною пути ихъ облекло,
И грозы вѣрою разсѣяло смиренной,
И міру хладному отъ нихъ тепло, тепло.

Измѣна.

Это было давно. Оглянешься назадъ и покажется, что неизмѣримое количество времени прошло съ той поры, когда мы перейдя родной рубежъ сбросили военное обмундированіе и стали приспосабляться къ чужой жизни. Взглянешь на себя въ зеркало, отразятся усталые глаза, морщинистое лицо, сѣдинки въ волосахъ и не хочется вѣрить, что это настоящее, не укладывается въ сознаніе мысль о незамѣтно ушедшей самой желанной порѣ.
Кажется нужно бы смириться, даже немного и порадоваться, но неизбывная тяжесть гложетъ и не выливаясь отчетливо ни въ полное отчаяніе, ни въ смиренное спокойствіе, мучаетъ день за днемъ и все ожидаешь чего-то, что обновитъ, возвыситъ и откроетъ

еще неизведанное, желаемое и светлое...

Заснула жена, спит безмятежным сном малютка сын и я один в тихую ночь предаюсь своим блуждающим мыслям.

Мы с женой давно уже прожили время восторгов, нежностей и ласк, которыя занимают все время у молодоженов и когда все окружающее есть только приятное добавление к нашим переживаниям.

Мы уже позволяли себе в наших разговорах рассуждать о том, что не будь той или иной случайности и мы бы не были женаты; уже легкая ирония неизбежна при упоминании о наших первых днях счастья. Шутка смягчает силу ложного стыда при воспоминании о наших трогательных надуманных именах и нежных обоюдных заботах.

Но не только тревога ума нарушает покой жизни.

Мне кажется, что у каждого человека бывает в жизни момент, когда запрещает, заговорит сердце и судьба ли, обстоятельства или что другое приходят к нему с тем или иным ответом.

Давно это было. Я зашел на почту. Нужно было отправить деньги. У окошка стояла очередь. Ожидавшие оглядывались на каждого входящего нового посетителя, осматривали было один другого и через минуту другую отходили от окошка; закрывшаяся дверь выкидывала из памяти ушедших. К нашей очереди подошла молодая стройная дама. В руке у нея был переводной бланк и несколько ассигнаций. Она равнодушно окинула всех быстрым взглядом и остановилась около меня. Я посторонился. Дама поблагодарила и в ея коротком броске глаз было скользнувшее мимолетное внимание. Когда она направлялась к дверям я настойчиво следил за ней. Я увидел еще раз строгое лицо; видимо мой напряженный взгляд достиг до нея и она непроизвольно подняла глаза. Один момент и я прочел на ея лице недоумение, досаду, безразличие...

Дни шли своим чередом, нет-нет, да вспоминалось иногда мимолетная встреча. Прошло порядочно времени. Я пошел в театр, вместе с одной барышней, не думая, что потом суждено будет назвать ее своей женой. Осматривая публику я остановился глазами на одной ложе. У барьера ея стояла красивая, нарядная дама. Я узнал ее. В ней в ложе был какой-то представительный, изящный старик. В бинокль я следил за лицом этой дамы и видел, как глаза ея блуждали по первым рядам и ложам. Старик видимо ее позвал. Она прищурила глаза и медленно повернулась к нему. Я взволновался. Моя рассеянность была замечена. Дабы загладить неловкость я стал излишне предупредителен. Замечу в скобках, мне кажется, что это внимание к моей спутнице сыграло потом свою роль. Кончилось представление. Говорливой, возбужденной лентой медленно тянулась публика к выходу. Досада на шутки моей спутницы, досада на всех толкавшихся и спешивших людей,

ожиданіе, пытливое высматриваніе... И вдругъ!

Я теперь довѣряю романистамъ, ибо самъ на опытѣ убѣдился въ частые, почти невозможныя неожиданности. Мы встрѣтились, встрѣтились такъ, что нѣсколько шаговъ прошли рядомъ. Многое, а мнѣ показалось, что въ этомъ пустяшномъ, минутномъ столкновеніи было многое, я не могъ запечатлѣть. Помню только тѣнь улыбки прошедшую по прекрасному лицу. Такую улыбку дано уловить только посвященнымъ, только чѣмъ-то связаннымъ, близкимъ людямъ. Всякое настроеніе, движеніе, помыселъ воспринимается тогда отчетливо и чутко. Переживалъ я эту минуту долгіе часы и горячо лились слова, отражая настроеніе, при проводахъ бывшей со мной барышни.

А потомъ дальнѣйшія встрѣчи связывали меня съ Варей, такъ звать мою жену, пришелъ день, когда я, какъ говорится, предложилъ ей руку и сердце. Но сейчасъ я не хочу останавливаться на всѣхъ этихъ подробностяхъ. Чувствую, правда, себя виноватымъ и осторожно оглядываюсь на спящую жену.

Какая-то сила тянетъ воспоминанія къ другой дорогѣ.

Какъ-то зашелъ я въ большой магазинъ. Зашелъ не имѣя опредѣленной цѣли, зашелъ и понялъ, что такъ нужно было. Прежде всего увидѣлъ я мою незнакомку. Она уже шла къ выходу. Я растерялся, оторопѣлъ. Широко распахнулъ дверь и, не отдавая отчета себѣ, вышелъ за ней на улицу. Она смутилась и задержалась.

Я заговорилъ. Въ голосѣ моемъ была такая мольба, боль и искренность, что она стала слушать меня... Мы начали встрѣчаться.

Въ зимній сверкающій вечеръ лихачъ подвезъ насъ однажды къ моему дому. Подъ тяжелой шубой у меня была сохранившаяся еще офицерская форма. Радостно было чувствовать себя въ военномъ френчѣ, стягивавшемъ плотно талію, звенѣли шпоры, обновленно сказочно горѣли на свѣту погоны, переливы огней играли на крестикѣ.

Началась двойная жизнь. И странно, чѣмъ стремительнѣе, пьянѣе были наши встрѣчи, тѣмъ глубже, пріятнѣе, дороже, становились мои отношенія къ невѣстѣ.

Черезъ два мѣсяца я проводилъ мою даму за-границу, а вскорѣ же была отпразднована свадьба. Невѣстѣ, а потомъ и женѣ я не сказалъ ничего. Прошли года. Затуманилось прожитое и забылись всѣ переживанія. Только въ часы раздумій доходитъ иногда очередь до этого маленькаго эпизода. И ужъ если допытываться до причинъ этихъ смутныхъ томленій, пожалуй можно дать одно объясненіе - человѣкъ никогда не удовлетворенъ, никогда въ совершенствѣ не бываетъ доволенъ.

Любопытство-ли, проснувшійся ли голосъ признательности, нарушаютъ тишину - кто знаетъ? А можетъ быть старыя забытыя права, по особымъ законамъ, пробуждаются и заявляютъ свои требованія? И тогда начинаешь колебаться: подойти къ женѣ, открыться, уничтожить секретъ, или зарыть поглубже тайну, замести, развѣять и предать забвенію?

В. П.

Парижъ.

С.-Западники за работой.

Братцы, грянемъ-ка дубинушку,
Да возьмемся за валонъ.
Эхъ! Какъ вспомнишь Мать-Россіюшку
Сердце съ груди рвется вонъ.
Ну, развертывай-ка силушку,
Да толкнемъ валонъ впередъ,
И кто думалъ, что дубинушку
Русскій воинъ запоетъ.
Не для этого Россіюшка
Насъ вскормила, берегла,
Чтобъ далекая чудбинушка
На работы собрала.
Ну, да вырочемъ, что печалиться,
Вѣдь не завтра умирать,
Послѣ будетъ время жалиться
Да умершихъ вспоминать.
А что, братцы, если грянула-бъ
Вновь съ коммуною война,
Въ сердцѣ кровь, поди воспрянула-бъ,
Всѣхъ подняла-бы волна.
Всю то накипь коммунальную
Научили-бъ вспоминать,
Какъ въ заутреню пасхальную
Мужикамъ въ лицо плевать.
Стой! Тужикъ. Кончай дубинушку,
Здѣсь и свалимъ матерьялъ;
Да, въ тужикъ и Мать-Россіюшку
Изуверовъ сбродъ загналъ.

Памяти погибшихъ С.-Западниковъ.
(При открытіи памятника.)

Пронесутся вѣка, поколѣнья пройдутъ,
Потемнѣютъ исторій страницы;
Но на нихъ письмена, тѣ вѣка не сотрутъ,—
О положенныхъ братьяхъ въ гробницы.

К. Н. Эстонія.

Торжество русского слова.

Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ получилъ премію Нобеля по литературѣ. По всѣмъ странамъ русскаго разсѣянія пронеслась эта радость. Встрѣтили эту вѣсть радостно, но достойно. Давно уже русская литература выдвинула писателей, которые имѣли всѣ права на эту премію. Не будемъ перебирать причины, столь запоздалаго признанія заслугъ нашего слова. Присужденіе преміи Бунину въ данное время примиритъ всѣхъ съ этимъ упущеніемъ.

Не забудемъ, что Шведская Академія чествуетъ изгнанника, не забудемъ, что среди другихъ кандидатовъ на премію былъ Максимъ Горькій, за котораго усиленно хлопотали большевики. Академія даетъ фактомъ признанія Бунина удовлетвореніе и всей русской литературѣ, той литературѣ, что горѣла правдой, добромъ и красотой на родной землѣ и въ изгнаніи, несмотря на всѣ трудности продолжаетъ свое развитіе.

Порадуемся еще одной нашей побѣдѣ и пожелаемъ Ивану Алексѣевичу Бунину-многая лѣта. Да цвѣтетъ его слово на славу родной землѣ и искусству!

И. А. Бунинъ родился въ 1870 году, 10 октября. Родился въ городѣ Воронежѣ. Происходитъ изъ старой дворянской семьи. Печататься началъ въ 1887 году. Первыми опытомъ были стихотворенія. Близость къ деревнѣ и природѣ опредѣлили творчество Бунина. Тонко и мастерски изображаетъ Бунинъ свои наблюденія надъ природой, сочетая эти описанія съ своими душевными переживаніями.

Въ 1909 году Императорская Академія Наукъ избрала Бунина почетнымъ академикомъ по разряду изящной словесности. Къ началу вѣка относится появленіе первыхъ беллетристическихъ произведеній, за которыя Бунинъ получилъ нѣсколько премій.

Есть что-то суровое, прямолинейное до жестокости въ изображеніи Буниномъ русскаго деревенскаго быта. Читая „Деревню," можно усумниться въ справедливости изображенія и поразиться тѣми приговорами, которыя выносились авторомъ деревнѣ. Но подъ сухимъ, суровымъ словомъ горѣла любовь къ народу. Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ эта безнадежность блѣднѣетъ, душа видитъ просвѣтъ.

Ко времени великой войны Бунинъ отрывается отъ излюбленной имъ темы. Появляется выдающійся разсказъ „Господинъ изъ Санъ-Франциско," за которымъ слѣдуетъ рядъ другихъ произведеній. За границей Буниномъ написано нѣсколько новыхъ книгъ. Наиболѣе широко распространенна: „Митина Любовь."

Особо отмѣчается еще неоконченная книга: „Жизнь Арсеньева."

Упорно, настойчиво, преданно и любовно шелъ Бунинъ по разъ избранной доро-

гь. Сейчасъ трудности всѣ пройдены и смѣло можно сказать, что еще много радостей получимъ мы отъ великаго художника слова.
Заканчивая маленькій настоящій очеркъ, приведемъ одно стихотвореніе, написанное молодымъ Буниным.

Наканунѣ.

Мы рядомъ шли, и на меня
Она глядѣть уже стыдилась,
Но въ вѣтрѣ мартовскаго дня
Пустая наша рѣчь теплилась.

Бѣлыми стужей облака
Сквозь садъ, гдѣ падали капели,
Бѣлѣна была ея щека,
Но какъ цвѣты глаза синѣли.

Не смѣлъ полураскрытыхъ устъ
Уже и я касаться взглядомъ,
Но былъ еще блаженно пустъ
Тотъ дивный міръ, гдѣ шли мы рядомъ.

За завѣсой минувшаго.

Дошла вѣсть о присужденіи Нобелевской преміи И. А. Бунину. Мысли невольно обращаются къ той эпохѣ, когда маститый писатель жилъ и работалъ на родинѣ. Встаютъ многіе, многіе, уже полу-забытыя тѣни и обновляется то заглушенное настроеніе уюта, довольства, уваженія и преклоненія предъ тѣми, кто мыслилъ и творилъ.
Вспоминается, какъ внимательно слѣдили, жадно впитывали и остро переживали каждое новое произведеніе. Перечитываю старыя стихотворенія Бунина. По иному воспринимаются всѣ строки, онѣ стали значительнѣе и дороже.

... Но небо ясно, отмели молчатъ,
Разлитъ заливъ зеркальностью безбрежной,

B. Jazsky

И глубоко на золотъ неба,
Подъ хрусталемъ воды, сіяетъ бѣлоснѣжный
Недвижный отблескъ маяка. (Штиль).

Безотраденъ путь мой! Каждый Божій день –
Глушь лѣсовъ да холодъ – голодъ деревень...
Стыдно мнѣ и больно... Только стыдъ то мой
Слишкомъ скоро гаснетъ въ тишинѣ нѣмой!

Прибѣгаю скорѣе эти строки и останавливаюсь на описаніи природы послѣ дождя;

... И весель звучный лѣсъ, и вѣтеръ межъ березъ
Ужъ вѣетъ ласково; и бѣлыя березы
Роняютъ тихій дождь своихъ алмазныхъ слезъ
И улыбаются сквозь слезы.

Приведу еще отрывокъ изъ стих. „Весенняя гроза":

Но вонъ по тополямъ и кленамъ
Холодный вихорь пролетѣлъ...
Сухой бурьянъ зашелестѣлъ,
Окно захлопнулось со звономъ.
Блеснула молнія огнемъ...
И вдругъ надъ самой крышей дома
Раздался трескъ коротkій грома
И тяжкій грохотъ... Все кругомъ
Затихло сразу и глубоко.
Садъ потемнѣвшій присмирѣлъ,–
И благодатно и широко
Весенній дождь зашумѣлъ.

---

45 лѣтъ тому назадъ появилось въ журналѣ „Свѣтъ" первое стихотвореніе С. Я. Надсона. Поэту было тогда 16 лѣтъ. Его болѣзнь (чахотка) унесла въ могилу, когда ему было 25 лѣтъ. Почти забыты когда-то пользовавшіеся большимъ успѣхомъ стихотворенія. Надсонъ зналъ свой близкій конецъ, передъ смертью онъ писалъ:

Нѣтъ музы не зови!.. Не увлекай мечтами.
Не обѣщай вѣнка въ дали грядущихъ дней!..
Пѣвецъ твой осужденъ, и жадными глазами
Повсюду смерть слѣдитъ за жертвою своей.

. . . . . .

А жить такъ хочется! Страна моя родная
Когда бъ хоть для тебя я могъ еще пожить!..

Как бъ я любилъ тебя, всю душу отдавая,
На то, чтобъ и другихъ учить тебя любить!..

---

40 лѣтъ тому назадъ умеръ А. Н. Плещеевъ. Побывъ немного въ школѣ гвардейскихъ прапорщиковъ онъ поступилъ въ Спб. Университетъ, но курса не кончилъ. За участіе въ дѣлѣ Петрашевскаго былъ приговоренъ къ смертной казни, получилъ помилованіе и былъ сосланъ въ Оренбургскій край солдатомъ. За военные заслуги произведенъ въ подпрапорщики. (Въ 1856 г.) И въ слѣдующемъ году былъ возстановленъ въ правахъ дворянства. Въ 1858 г. вышелъ въ отставку и получилъ право жить въ столицѣ. Умеръ 26 Сентября въ Парижѣ.

Мирра Александровна Лохвицкая. Петербурженка. Окончила Московскій Александровскій Институтъ. Умерла 28 лѣтъ отъ роду въ расцвѣтѣ красоты. Это было ея желаніе.

Я хочу умереть молодой
Не любя, не грустя ни о комъ;
Золотой закатиться звѣздой,
Облетѣть не увядшимъ цвѣткомъ.
. . . . . .
Пусть не меркнетъ огонь до конца,
И останется память о той,
Что для жизни будила сердца...
Я хочу умереть молодой.

Не буду дѣлать выписокъ изъ ея стихотвореній. Нѣкоторые трудно сократить, хочется помѣстить полностью.
Удерживаюсь и на этомъ заканчиваю мои разбѣжавшіяся замѣтки.

И. С.

Следующій номеръ выходитъ 15 Января 1934 года.

Условія пользованія журналомъ:

За прочтеніе журнала взимается плата - 75 сант.
Для безработныхъ - - - 50 сант.

Всѣ собранныя за прочтеніе журнала суммы поступаютъ въ Фондъ Спасенія Родины.

Всѣ рукописи, по использованіи таковыхъ, возвращаются съ благодарностью ихъ владѣльцамъ.

Сотрудникамъ, не желающимъ объявлять своего имени гарантируется сохраненіе полной тайны.

Адресъ редакціи журнала: 80, Avenue Jean Jaures. Belfort.

Редакторъ принимаетъ по всѣмъ днямъ, кромѣ праздниковъ отъ 8-ми до 9-ти час. вечера.

Редакторъ-издатель: В. Куликовъ.

Художественная часть: В. Жарскій.

Журналъ читали:

Имя, фам.	Сумма.	Имя, фам.	Сумма.	Примѣчаніе.
В. Куликова	1 фр.			
В. Шереметьева	1 фр.			
А. [illegible]	1 фр.			
В. Михайленко	1 фр.			
Г. Коротуха	1 фр.			
С. [illegible]	0.75			
В. Степанова	2 fr.			
Васильевъ	1 fr.			
[illegible]	1 fr.			
[illegible]	0,75			
Н. Куликовъ	1 fr. –			
М. Кулакова	1 fr. –			
Ф. Лабенинъ	1 фр.			
Вс. Турскій	1 фр.			
[illegible]	1 фр.			